

УДК 327; 347+316.3

*А.С. Тимощук***РОССИЯ И УКРАИНА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ**

Интеллектуальные вызовы современных политических отношений социотехнического уклада вызваны рядом самых разнородных факторов: 1) крушение классической гносеологии, основанной на принципах линейной каузальности, познаваемости; 2) скорость социотехнических изменений и подвижный характер среды; 3) постколониальный характер коммуникации и продвижения знания; 4) хрупкость общественных порядков. Само осознание среды, в которой мы находимся, уже является проблемой и породило множество концептов, таких как синергичность, нестационарность, VUCA, новая нормальность, янусовидность. Актуальность темы связана с диалектикой сложности развития цивилизации, угрозами устойчивого развития. Комплексность, многофакторность, неустойчивость глобальной социотехнической реальности не способствуют адаптации к особому состоянию среды, которую нельзя однозначно определить как порядок (космос) или хаос. В статье проводится мысль, что мы обязаны планировать устойчивое развитие человечества и переходить к политике нового прагматизма. Так, в условиях новой нормальности требуется новое паранепротиворечивое политическое мышление в российско-украинских отношениях. Всем сторонам конфликта не хватает рефлексивности, и в идеологической плоскости они сражаются с придуманным образом врага. Старые идеологемы, такие как «российская агрессия» или «бандеровцы», непродуктивны при описании Другого. Нужен новый прагматизм, основанный на территориальной близости, экономике и логистике. Автор исходит из деонтической модальности, полагая, что Россия и Украина недостаточно используют ресурс рефлексивности в сложной политической игре. Неклассическое общество и комплексность процессов и социальных систем не позволяют успешно реализовывать линейную модель управления для сложных политэкономических процессов. Рефлексивный подход (В.Е. Лепский, В.А. Лефевр) позволяет адекватно изучать метастабильные состояния контрагента, опираясь на контекст его значений. Украина, как любая фронтальная культура, – это амальгама, возникшая на стыке польского, русского, литовского, турецкого, еврейского миров. Правильное конструирование надэтнической многоязыковой нации и составляет секрет успеха Украины. Это решение очень даже современное, так как глобальный тренд – это плюрализм и многополярность.

Ключевые слова: янусовидность, гибридность, хаосмос, ВУКА, метастабильность, конструирование реальности, коммуникативная рациональность, комплементарность, многополярность, Майдан.

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-4-460-468

Правильная ссылка на статью:

Тимощук А.С. Россия и Украина: актуальные проблемы международных отношений в условиях новой нормальности // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 4. С. 460–468. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-460-468>

Введение

Майдан 2014 года стал один из самых сильных вызовов гегемонии Кремля, в результате которого ухудшились международные отношения России и Украины, увеличились санкции против России, НАТО стал близок как никогда к границам России, а наши отношения с Западом достигли самой низкой отметки со времен холодной войны. При этом нельзя сказать, что активная имплементация украинской идеи является продуктом фонда Сороса. Российский политолог Б.А. Шмелев указывает на этапы отдаления Украины от орбиты России, доказывая, что это объективные процессы региональной дивергенции, которые проходят на фоне глобальной интеграции. Этапами этой дивергенции было создание вооруженного блока ГУАМ (1997 г.), Помаранчева революция (2004 г.), возбуждение уголовного дела по массовому голоду в 1930-х как акта геноцида руководства СССР против украинского народа (2009 г.), отказ от вступления в Таможенный союз (2013 г.), Революция гідності (2014 г.), создание отдельной от Москвы церкви (2018 г.) [1]. Украинская идея, построенная на антироссийской повестке, была прописана еще в трудах националистов XIX в., она вернулась в XX в. и сделала огромный скачок в развитии после Майдана. Иначе говоря, конструирование украинской идентичности – это эволюционный процесс, который сопровождается радикальным размежеванием со славянским соседом и происходит в нестационарных онтогносеологических условиях.

Теоретические основания и методы

Новая нормальность – это политологический концепт, призванный дать нам когнитивный эффект понимания, что происходит в мире, куда он движется; объяснить, как нам лавировать в многослойных противоречиях [2; 3]. Почему ведущие демократии ради торжества свободы вводят войска в развивающиеся страны? Почему в эпоху глобального капитализма процветает протекционизм? Почему рыночная экономика может быть авторитарной? Почему государства-партнеры поддерживают сепаратизм и оппозицию у своих контрагентов? Как государствоцентризм сочетается с гражданским обществом? Каким образом глобальный мир стал благоприятной средой национализма?

До новой нормальности получил распространение политический акроним VUCA, описывающий среду как нестационную (*volatile*), нечеткую (*uncertain*), сложную (*complex*) и неоднозначную (*ambiguous*). Когда мы имеем дело с процессами, которые не поддаются достоверному и однозначному описанию и прогнозу, мы имеем дело с VUCA-фактором. VUCA-среда не оставляет шансов на стратегическое долгосрочное планирование. В VUCA-мире на фоне самой современной демократической оболочки могут применяться средневековые методы пыток, похищений, отравлений, шантажа и вероломства.

Попытки описания сложности мира предпринимались не только в политологии. Термодинамика предложила терминировать нестационную в категориях синергии открытой и закрытой системы. Неклассическая физика расширила познавательные горизонты сложности через концепты относительности пространства и времени, многомерности реальности, темной материи и квантовых эффектов. Французский постструктурализм описывает сложность как ризому, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, деконструкцию, складку, лабиринт, хаосмос, игру, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ [4].

Значительная роль в формировании социокультурных условий новой нормальности принадлежит коммуникативной рациональности, формируемой через неинституциональные формы: социальные сети, сетевые сообщества, стриминг, комментирование на форумах, любительскую журналистику, вирусную рекламу, визуальную сетевую культуру. Медиатизация международных отношений также опосредована вбросами, распространением слухов, негатива, фейков. Постправда – могущественный фактор в коммуникационном менеджменте политическими процессами, означающая отход даже от двойных стандартов.

Глобальная международная политика обусловлена рапидакторами (дромологической оснасткой) современности, ускоряющими процессы, позволяющим нам только парить над повседневностью и быстро принимать реактивные решения в быстро меняющейся среде. Техносфера и ноосфера бросают вызов экосфере, материнской среде обитания человека, а темпы изменений мира преодолели антропологический барьер.

Классические представления об истине предполагали ее устойчивость, эмпирическую проверяемость, общезначимость. Неклассика оставляет нам вместо истины след, игру, дискурс, мнение, постправду, фейковые утверждения и т. п. Вместе с тем жизненный мир сообществ опирается на ключевые элементы дискурса, которые не подвергаются сомнению в группе.

Место классического понятия «факт» заняла «дискурсема», концепт мира медийной реальности [5]. Нельзя сказать, что современное человечество не нуждается в классическом понятии «истина», что остались одни дискурсема, знаки присутствия правды. Это не так. Самолеты летают, олимпийские рекорды устанавливаются, торговые операции совершаются. Современная жизнь, напротив, очень требовательна к результативной, эффективной, проверяемой деятельности.

Однако торговля полуправдой приобрела глобальный и массовый характер, что позволяет сравнивать медийный мир с коммерческими переговорами, где гешефтмахер, улыбаясь, говорит о третьесортном товаре: «Это лучший бренд специально для вас». Медиатизированная реальность предлагает огромную вариативность конструирования, деконструкции и интерпретации. При этом сама характеристика опосредованности техникой и технологиями создает эффект надежности, достоверности дискурса [6].

Разработка аппаратных средств и программного обеспечения способствовала созданию особой социотехнической среды. Электронная почта, чаты, форумы, онлайн-обучение, вебинары, виртуальные сообщества – все эти инструменты революционизировали коммуникативную рациональность, усилили власть слова, содействовали вступлению человечества в ноосферный этап развития. Коммуникативная рациональность предстает ключевым элементом снятия радикальных форм культурного

конфликта, основой интеграции, выработки взаимопонимания. Новые коммуникационные и информационные системы, функционирующие через IP-адреса, образуют сетевое человечество, децентрализованный коллективный субъект. Границы новой глобальной нормальности характеризуются как пористые, проницаемые, символические, диалогические. Описывая в разных моделях релевантности становление новой нормальности, мы можем концептуализировать ее в нескольких проекциях: 1) как технологический и экономический уклад 4.0 (постиндустриальное общество) в процессе перехода в цифровой проект 5.0; 2) как негеографическую глобальную топологию, неиерархический социализм и новую сетевую коммунитарность; 3) как массив дискурсов с практиками артикуляции, доминантой риторики над логикой и массовым некритическим конспирологическим мышлением; 4) как коммуникативную рациональность с паранепротиворечивыми характеристиками критического мышления, дополненную технологиями мифотворчества, идеологизации, манипуляции; 5) как постфеноменологический умвелт с локусами устойчивости в сетке перформативных высказываний ценностно-смысловых групп; 6) как динамическое процессуальное состояние общества с доминантой взаимодействия и неготиации над классическими категориями «истина» и «бытие».

Этико-политическая перспектива мультикультурализма конкурирует с рефлексивными культурными традициями, улучшающими свое понимание реальности за счет образования, науки, коммуникации. Речь идет о либеральных течениях в христианстве, иудаизме, исламе, буддизме, индуизме, которые расширяют свой горизонт интерпретации, но сохраняют солидарность и интересубъективность. Новая нормальность – это конвергенция религии и науки, права и морали, Востока и Запада, Севера и Юга при сохранении идентичностей и границ интерпретации. Культурные перспективы радикальных альтернативных концепций в виде неофундаментализма, неонацизма, левого движения и экофашизма не имеют широкой поддержки и не могут выступить формой устойчивости. Их культурные сценарии контаминированы насилием и разрывом внутренне согласованного мира. Рациональная коммуникативная практика сталкивается с контингентными культурными формами конкуренции и борьбы: гибридная война, вирусные новости, spin doctoring, мемы, «фотожабы», троллинг, флеймы, флудинг, вбросы и т. п.

Гибкость, подвижность взаимодействия отражается в социальной реальности. В 2021 г. акционеры вернули дореволюционное название «Императорский Тульский оружейный завод» награжденному орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени предприятию. Та же тенденция, что и в Англии, примирять эпохи. Памятники Кромвелю и его жертве, королю Карлу I, находятся практически на одной площади в Лондоне. Памятники Ивану Грозному установлены в Орле и Александрове, а его жертве, Филиппу Колычеву, – в Москве. Монумены покорителю Кавказа генералу Алексею Ермолову установлены в Орле, Пятигорске, Ставрополе, Минводах, а мемориал лидеру сопротивления народов Кавказа, имаму Шамилю, установлен в Махачкале. Подобно этому, Украине необходимо объединять и гармонизировать Ивано-Франковск и Донецк, Бандеру и Сталина, Небесную сотню и «Беркут».

Гибридизация гетерогенности фиксируется как гносеологическом, так и в онтологическом измерениях. Кейс 2019–2020 гг. – пандемия. Мы привыкаем к противоречиям коронавируса и вакцинации против него: «Все переболеют, и тогда пандемия уйдет, но, похоже, она останется, так как вирус мутирует, а переболевшие COVID-19 теряют антитела»; «Маски и перчатки – вот единственная массовая профилактическая мера, однако она признана избыточной и неэффективной в борьбе с COVID-19»; «Заниматься самолечением запрещено, нужно немедленно обратиться в поликлинику, однако медицинские учреждения – это самые опасные места во время пандемии; рекомендовано меньше контактировать с медицинскими работниками и избежать попадания в больницу, чтобы не заболеть»; «Потеря обоняния – вот специфический симптомом коронавирусной инфекции, однако таким же свойством обладают и десятки других вирусов, которые попадают в организм через нос и поражают обонятельные нервы»; «Привитые не болеют, но такие случаи есть»; «Ослабленный штамм безвреден, однако есть побочные эффекты»; «Вакцинация добровольна. Непривитые увольняются»; «Россия сталкивается с препятствиями в продвижении “Спутник-V” за рубежом. Импортные вакцины в РФ не пускают». Вирусы, как нанофактор в масштабе нашей макровселенной, актуализировали учение синергетики об антиномичной связи живого и неживого, глобального и регионального, научного и мифологического; обнажили кризис стихийной истории и кризис стихийных регуляторов общества; выдвинули на повестку дня проблему управляемости человечества в качестве ведущей.

Динамичное усложнение реальности также выступает составляющей новой нормальности. Перенос термодинамическую концепцию энергии на социальные процессы, мы получаем описание

сложных процессов в синергетических категориях «хаос», «автопоэзис», «самоорганизация», «порядок», «энтропия», «неравновесная динамика», индетерминизм, открытость системы, флуктуация, бифуркация, полифуркация, аттракторы. Нелинейная клиодинамика играет решающую роль в возникновении и развитии новой нормальности. Вдобавок квантовая физика добавила метафизический аспект в наше представление о Вселенной. Если классическая философия последовательно изгоняла метафизику с помощью позитивизма и аналитической философии, современная физика через энергию и информацию активно продвигает метафизическое понимание новой нормальности. Квантовая нелокальность, сознание как квантовый компьютер, голографическая топология Вселенной – все эти идеи составляют новую концептуальную структуру новой нормальности как постматериальности.

Еще одним фактором новой нормальности стала скорость, власть ускорителей-рапидаторов (А.Н. Павленко): транзисторов, процессоров, транспорта, стандартов передачи информации, скорости обслуживания клиента. Политэкономия скорости выражена философией капиталократических акселераторов, преодолевающих барьеры времени и пространства, уничтожающих все преграды для профицита капитала. Логика скорости определяет процессуальность мира, его суперонтичность. Мы, как бозон Хиггса, существуем в пикосекундных эстафетах и зазорах, а время остается суператтрактором сущего. Августин и Эйнштейн запретили время «до», но это как бороться с отрицательными числами. Время «до» остается временем и претендует на роль великого аттрактора вселенных. В индийской философии, которая является одной из самых грандиозных донаучных космологических систем, время – это класс предметностей, где существует транзитивное время (юга, чатур-юга, маха-юга, калпа, маха-кальпа) и вечное время (маха-кала).

Существование в процессах означает, что мы не успеваем за скоростью изменений и генерируем формы успеваемости: синхронизация, социодинамика, time management, «время – деньги», speed-dating, «обслуживание под ключ», срочные похороны. Скорость социальных процессов не позволяет осмыслить происходящее, что рождает особый тип мышления культуры скоростного восприятия – аналогизирующе-образное, клиповое, мозаичное. Инстаграмизация, медиатизация и визуализация – ведущие тренды цивилизации образа, характеризуемой как паноптикум цифрового вуайеризма и эксгибиционизма, царство видимости, обозримости и прозрачности. Культура образа соревнуется с культурой текстов; «быстрее и быстрее» вытесняет анахронизм long read.

Тренд пластичности и гибридности определяет все социальные неогоциации и грядущие изменения социетальных форм. Деонтологизация, процессуальность, контингентность – это внутренняя структура функционирования цивилизации. Неоднородность и скорость социокультурных трансформаций ставят перед нами цель определить когнитивные условия новой нормальности в терминах дополнителности, гибридности, конвергенции и устойчивого развития.

Управляемость обществом во время пандемии подверглась сильной флуктуации. Глобальные транзакции, национальные валюты, игроки на оптовом рынке, логистика, розница, туризм, коммерческие организации испытали серьезный шок, после которого не все оправились. Причем кризис COVID-19 не завершился, он развивается и еще проявит себя, ибо кумулятивный эффект от экономического спада откликнется долгим эхом рецессии. Антикризисные меры на федеральном и региональном уровне не спасут от разорительных последствий и оцениваются предпринимателями как недостаточные. Может потребоваться корректировка текущих теорий или новых теоретических разработок, что и терминируется в целом как новая нормальность.

Говоря о международных отношениях, мы не можем игнорировать социокультурную реальность в целом и модификацию научных описаний. Сам концепт новой нормальности указывает на когнитивный сдвиг, переход от одного массива дескрипций к иному, совершенно различному. Такими новыми описаниями занимается философия науки, обобщающая частные дисциплинарные исследования и выработывающая новый дескриптивный язык для усложняющегося социокультурного мира.

Проблема новой нормальности уже давно занимает философию науки и описывается в терминах научного реализма, направления, которое стремится разрешить антиномии несоизмеримости старых и новых систем. Каждый новый крупный ученый в фундаментальных науках претендует на создание полной теории действительности, которые претендуют на признание и доминирование как истинную форму отражения реальности. Конфликты между системами Коперника и Птолемея, Галилея и Аристотеля, Эйнштейна и Ньютона – все это великие сражения за истинное понимание реальности, за то, что считать нормальной наукой.

Томас Кун, Хилари Патнэм, Бас ван Фраассен, Нэнси Картрайт, Ян Хакинг опираются на историческую перспективу разрешения конфликта, рассматривая фундаментальные преобразования как сменяющиеся формы все более детализированного реализма. Прогресс технологий не аннигилирует идеи, но способствует увеличению количества описаний. Несомненно, отдельные концепты, такие как «материя», «атом», «электрон», получают другое наполнение, однако образуется разрыв в понимании этих категорий на разном этапе. Рост количества референций денотата и наращивание коннотаций продолжают существовать внутри той же схемы «понимание – описание – интерпретация – объяснение».

Сфера международных отношений образуется вокруг тех же принципиальных координат, таких как суверенитет, национальный интерес, безопасность. К числу новелл можно отнести разве что парадигму устойчивого развития, которая концептуализировала на новом этапе идеи о вечном мире.

Идея новой нормальности представляет альтернативный вариант сохранения традиции в открытом обществе, находящемся в неопределенности, нуждающемся в примирении с общественным сознанием. Новая нормальность снимает неопределенность устойчивого развития доминантой текущего благополучия. Поэтому эту функцию адаптации к меняющимся условиям следует признать разновидностью гомеостаза *homo sapiens*. Цикл «нормальность – кризис – революция – нестабильность – новая нормальность» сопровождает человечество с незапамятных времен, но он был отрефлексирован в философии науки, так как наука является одним из самых быстро развивающихся институтов [7]. Благодаря адаптации к меняющимся условиям мы стремимся вписать новые, не всегда благоприятные условия в нашу стандартную картину мира, которую приходится ремонтировать, чтобы она приняла новые несоизмеримости. В результате наука стала комплементарной, дополняющей. Классический идеал естествознания дополнила неклассическая картина мира, учитывающая расширяющуюся парадигму сознания, квантовой физики, когнитивности, венаучного знания [8]. Принцип дополнительности в социогуманитарном познании выполняет несколько важных функций: это не только коммуникация целостности, единства противоположностей, но и согласование и медиация разнородных контекстов новой нормальности.

Результаты и обсуждение

От начала Майдана и до сегодняшнего дня российские СМИ в целом дают негативную оценку происходящим событиям, концентрируются на слабых местах украинской государственности и игнорируют достижения. Когда начиналась украинизация, оппозиционные СМИ сообщали, что музыку все равно слушают на русском и в общественных местах на мові не спілкуються; однако в 2021 г. можно зафиксировать, что русский язык практически вытеснен из информационной и деловой сферы Украины, т. е. битву за национальный язык Украина выиграла.

Существенно, что Украина остается одним из самых демократических постсоветских государств с высокой сменяемостью политического руководства и действенным прямым народным волеизъявлением. П.А. Порошенко оказался вполне результативным политиком, так как цели, которые он поставил, он достиг: военное сопротивление пророссийским силам, люстрация чиновников, декоммунизация, украинизация, курс на НАТО и ЕС, православная автокефалия. Не менее сильным и успешным проводником национальных интересов является и новый политик, и узнаваемая медийная фигура В.А. Зеленский. При нем борьба за Украину продолжилась не только силовыми методами, но и информационными. Пул возможных пророссийских акторов показал, что он очень разнороден, неустойчив и имеет естественную склонность к неготиации своих интересов. Анатолий Шарий, Игорь Гужва, Елена Лукаш, Татьяна Монтян и другие фигуры политической игры ведут сложные многоходовки и находятся в поисках конъюнктуры. Вместе с тем, несмотря на внешнюю открытость и либеральность взглядов, нынешний президент В.А. Зеленский оказал давление через правоохранительные органы на ячейки партии Шария, посадил под домашний арест фронтмена «Оппозиционного блока» В.А. Медведчука, ввел запрет вещания каналов «112 Украина», ZIK и Newsone, осуществил блокировку крупнейшего пророссийского рупора *strana.ua*.

Россия, несомненно, не смогла спокойно принять кардинальную смену повестки и украинской идеологии с очень четкими целями «преодоления советского прошлого», «вхождения в ЕС и НАТО», «деконструкции советского прошлого», «агрессивного противостояния Московии». Негативная информационная реакция, оказание военной помощи в ЛДНР, аннексия Крыма, газовый шантаж – эта реакция России еще больше способствовала радикализации национализма и развитию самостоятельной украинской государственности.

Одно из необходимых требований к политику в условиях новой нормальности – качество рефлексивности или способность посмотреть на ситуацию глазами противника и не требовать от другой стороны того, что сам не можешь сделать в своем государстве [9]. Если Россия не готова вводить второй государственный язык, то почему Украина должна это делать? На бытовом уровне русский язык вполне успешно функционирует, но для карьеры, бизнеса, взаимодействий с властью все русскоязычные, кто родились на Украине и учились там, пользуются украинским языком, так же как русские в Прибалтике владеют языками тех стран, в которых проживают для эффективной интеграции в социокультурную среду. Если уж говорить о притеснении русских на постсоветском пространстве, то Казахстан сделал для этого гораздо больше, чем Украина, и никаких претензий ему не было высказано, так как он остается на политической орбите России.

Когда В.В. Путин говорит о многополярности, то защищает этим тезисом независимое от Запада поведение России, но если Украина ведет политику без оглядки на Россию, то это уже не рассматривается в терминах многополярности. Если быть многополярным, то до конца! Украина имеет такую же цель, как и Россия, – стать сильным государством, а ее президенты стремятся быть похожими на В.В. Путина в реализации проекта сильного государства, наращивают армию, вооружение, активно ведут социальную политику. Между тем если быть Путиным, то нужно быть Путиным до конца. Президент России пошел на переговоры с сепаратистами в Чечне и амнистировал всех, кто прекратил военные действия. Интеграция Чечни – это очень смелый шаг, непопулярный в народе, который принес В.В. Путину много репутационных издержек, особенно среди военных, ветеранов чеченской кампании. Однако ради мира в регионе он пошел на взаимодействие с теми, кто вчера убивал российских солдат. Киев отказывается взаимодействовать с ЛДНР, называя их террористическими организациями. Это обратная сторона украинского упрямства, доходящего до «рогульства», или упертости, достойной лучшего применения. И, конечно, непризнание субъектности ЛДНР – это еще и свидетельство осторожности лидеров Украины, которые знают, что реализация формулы Штайнмайера может прекратить их политическую карьеру.

Идеологические штампы и отсутствие рефлексивности мешают двум сторонам. Кремль не может принять, что Украина – это другая социокультурная среда, отличная от российского общества, что силовое управление украинским обществом невозможно [10].

Россия сама приняла участие в создании украинской государственности через неприятие Майдана как современной модели «козацькой вольниці». В столкновении русского и украинского мира каждый получил свое. Россия – Крым, а Украина – прорыв в украинизации. Обе стороны получили колоссальный выигрыш, но и понесли эпохальные утраты. Украина – территориальные потери, а Россия – Украину. Противостояние России вызвало взлет украинской идентичности, и даже язык не стал препятствием, так как к Майдану присоединялись и русскоязычные. Майдан – противоположность Болотной площади, и эту вязкость российского менталитета стали называть в стане западнцев «ватой».

Всплеск украинской пассионарности – небывалый общественный подъем в новейшей истории Евразии. На марше ветеранов АТО маршируют в колоннах десятки тысяч волонтеров, госпитальеров, участников Майдана. Идут дети, родители, жены с портретами погибших, представители оппозиционной белорусской диаспоры. Несомненно, после воссоединения ЛДНР, где проходят симметричные шествия своих ветеранов-защитников независимости, на Украине потребуются создание Дня единения украинских народов.

В России есть различие между гражданской идентичностью и этнической; можно быть россиянином, но не быть русским, а, например, бурятом, якутом или хакасом. Украине еще предстоит создание такой гражданской идентичности, когда гражданин Украины не является этническим украинцем. Сейчас термин «украинец» используется как для гражданской идентичности, так и для указания на этническую принадлежность.

Выводы

Исторически условия возникновения новой нормальности связывают с посткризисным состоянием. Мировой финансовый кризис 2008 г. продемонстрировал пределы экономического роста на основе спекулятивного капитала. Демографическая неравномерность развития планеты, снижение темпов экономического роста, безработица означают невозможность возвращения к докризисным показателям профицита бюджета, наличию резервов для стратегического развития, финансирования социальных программ в привычном объеме, возвращения премиальных выплат и стимулирующих

надбавок. Новая экономическая реальность – это усиление глобальной конкурентной среды, продолжающиеся прекаризация и падение благосостояния.

Новая реальность – это новый прагматизм. Мифы о славянском единстве, проправославном консенсусе или едином советском генотипе нужно перестать воспринимать всерьез. Даже такая идеология, как «историческая зона интересов», уже слабо действует. СССР размещал ракеты на Кубе, а Россия ведет энергетическую политику в Венесуэле. Симметрично: мы можем ожидать НАТО на Украине или канадских собственников в Киргизии.

Новый прагматизм не снимает несоизмеримости между двумя субъектами, но открывает простор для иных взаимодействий между странами, помимо политических. Экономические отношения не прекращались, и они вписываются в логику прагматизма, вслед за ними нужно вновь возвращаться к свободе перемещений граждан двух стран.

ЛДНР – это вполне разрешимая проблема, уже есть формула, которую В.А. Зеленский в 2019 году был полон решимости применить. Что касается Крыма, это проблема относится к числу тех, которые не могут быть решены на том уровне, на котором были созданы.

Следует признать, что война между Украиной и Россией не может быть решением территориальной проблемы, она лишь усугубит положение новой украинской государственности. Постмайданной элите удалось сделать то, о чем мечтали поколения свидетелей, но такие большие достижения не бывают без потерь, в том числе и территориальных. Для возврата русских регионов требуются еще более ускоренная модернизация украинской государственности, доведение ее до подлинных европейских открытых стандартов, отказ от этнического национализма.

Вместе с тем политические клише мешают обеим сторонам. В России вместо того, чтобы заметить достижения и порадоваться успехам соседа, провластные СМИ публикуют только негатив про Украину. С другой стороны, самая большая идеология, которую поддерживает правящая политическая элита Украины, это симулякр «российской агрессии». Россия ранее арендовала базу в Севастополе, готова была дальше продолжить эти отношения и не вынашивала никаких планов по аннексии. Крымская весна 2014 года – это мобилизация русских, обеспокоенных агрессивной националистической повесткой. Политики Майдана допустили ошибку, смешав антикоррупционные протесты и европейскую солидарность с пещерным национализмом. В условиях новой нормальности такая игра приносит выгоду в виде поддержки НАТО. Разобщенность европейской цивилизации наносит ущерб планетарному развитию, отвлекает от решения глобальных проблем устойчивости. Новый прагматизм – это решимость вернуться к идее единого коллективного безопасного пространства Северного полушария, решимость открыть границы для народной дипломатии, решимость наводить мосты между народами и странами.

Наемная украинская политическая элита придумывает угрозы и спекулирует на эти темы, как В.В. Путин будет еще нападать, препятствовать Украине, творчески разрабатывает тему российской газовой угрозы. Если вы такие самодостаточные, то причем здесь Россия? Зачем бороться с Северным потоком? Асимметричный ответ на провокации конъюнктурных политиков – это еще большая интеграция с мировыми процессами, соблюдение всех международных договоров и прекращение антиукраинского дискурса.

Украина развернулась в сторону США? Прекрасно. Украина вступает в НАТО? Великолепно. НАТО и так уже на Украине! Зачем об этом беспокоиться. Она становится участником ЕС? Дуже чудово. Зачем демонстрировать недовольную реакцию, озабоченность этими процессами? Ведь только этого и ждут, негативной эмоциональной реакции России. Зачем брать на себя лишние эмоциональные обязательства и подпитывать наемных временных политиков? Не должно быть никакой нервной реакции. Реагируем нейтрально-доброжелательно. России нужно заниматься своей экономикой, своими людьми и долгосрочным стратегическим планированием, 100-летними технологическими циклами.

Ведь любой, кто нападает на Россию, сам вешает себе ярмо на шею. США уже экономически и экзистенциально устали быть мировым полицейским. Это очень тяжелое бремя, за которое они расплачиваются ненавистью к своим гражданам, терактами против США. Поэтому никакой угрозы от НАТО нет. Чтобы эта огромная экономическая структура существовала, ей нужно платить кому-то, чтобы тот изображал врага. Иначе как собирать деньги с участников и заставлять их отправлять молодежь нести демократию? СССР допустил громадную ошибку, искусственно создав врага в виде НАТО, и подпитывал его своей недалекостью и узостью мышления. Россия не должна повто-

рять ошибку СССР: не становиться мировым донором великой идеи, не заниматься утопическим визиантизмом. Стать нормальным, европейским государством

Чем больше Россия демонстрирует агрессии, тем больше она дает конъюнктурным политикам Украины шансов просить помощи на Западе против мифологической российской угрозы. Кому-то выгодно делать из нас врага, вот этому не нужно потворствовать. Россия – прогрессивная, европейская страна. Мы тоже выступаем за коллективную безопасность, за европейскую солидарность, за международную интеграцию. Мы не блокируем украинские европейские интенции. Мы не конкурируем с США за мировое лидерство, у наших стран очень много общего, мы были и будем стратегическими партнерами. И можем вступить в НАТО. Только такой может быть реакция в условиях новой нормальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелев Б.А. Россия – Украина: партнерство или конфронтация? Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
2. Гуковская А.А. «Новая нормальность» и трансформация рисков // Прорывные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 82–90.
3. Гофман А.А., Тимошук А.С. Новая нормальность как концепт общественных изменений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 471–473.
4. Тимошук А.С. Философия неклассической науки / Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. 88 с.
5. Тимошук Е.А. Феноменология медиадискурса // Язык, право и общество в координатах массмедиа: сб. мат. III Междунар. науч. конф. Москва, ИЗиСП, 25–26 сентября 2019 г. / под ред. И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой; предисл. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, 2020. С. 427–431.
6. McLuhan M. The Medium is the Message // Media and Cultural Studies: Keywords / Meenakshi Gigi Durham, Douglas M. Kellner. Blackwell publishing, 2009. P. 107–116.
7. Хакин Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. С. 16.
8. Симанов А.Л. Принцип дополнительности как фактор унификации физических теорий: дополнительность и соответствие // Философия науки. 2017. № 2 (73). С. 66–86.
9. Тимошук А.С. Рефлексивность в российско-украинских отношениях // Рефлексивные процессы и управление: сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума, 17–18 октября 2019 г., Москва / отв. ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2019. С. 236–241.
10. Тимошук А.С. Российско-украинские отношения: образы прошлого и будущего // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во ФГБОУ ВО НИУ «МЭИ», 2020. С. 277–281.

Поступила в редакцию 03.09.2021

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук факультета «Высшая школа государственного управления» ФГБОУ ВО «Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а
E-mail: ys@abhinanda.elcom.ru

A.S. Timoshchuk

RUSSIA AND UKRAINE: CURRENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF THE NEW NORMALITY

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-4-460-468

The intellectual challenges of modern political relations of the socio-technical structure are caused by a number of the most diverse factors: 1) the collapse of classical epistemology, based on the principles of linear causation, cognizability; 2) the speed of socio-technical changes and agile nature of environment; 3) the postcolonial nature of communication and advancement of knowledge; 4) the fragility of social order. The very awareness of the environment in which we find ourselves is already a problem and has given rise to many concepts such as synergy, nonstationarity, VUCA, new normality, Janus-likeness. The relevance of the topic is associated with the dialectics of the complexity of the development of civilization, threats to sustainable development. The complexity, multifactorial nature, and instability of the global socio-technical reality do not contribute to adaptation to a special state of the environment, which cannot be un-

ambiguously defined as order (space) or chaos. The article suggests that we must plan for the sustainable development of mankind and move on to the policy of new pragmatism. Thus, in the conditions of the new normality, a new paraconsistent political thinking is required in Russian-Ukrainian relations. All parties to the conflict lack reflexivity, and on the ideological plane, they are fighting a fictitious image of the enemy. Old ideologemes such as “Russian aggression” or “Bandera’s” are not productive in describing the Other. We need a new pragmatism based on territorial proximity, economics and logistics. The author proceeds from the deontic modality, believing that Russia and Ukraine do not sufficiently use the resource of reflexivity in a complex political game. Non-classical society and the complexity of processes and social systems do not allow successfully implementing a linear management model for complex political and economic processes. The reflexive approach allows one to adequately study the metastable states of the counterparty, relying on the context of its values. Ukraine, like any frontier culture, is an amalgam that arose at the junction of the Polish, Russian, Lithuanian, Turkish, and Jewish worlds. The correct construction of a supra-ethnic multilingual nation is the secret of Ukraine’s success. This solution is very modern, since the global trend is pluralism and multipolarity.

Keywords: Janus-like nature, hybridity, chaosmos, VUCA, metastability, reality construction, communicative rationality, complementarity, multipolarity, Maidan.

For citation:

Timoshchuk A.S. Russia and Ukraine: current problems of international relations in the conditions of the new normality // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2021. Vol. 5, iss. 4. P. 460–468. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-460-468> (In Russ.).

Received 03.09.2021

Tymoshchuk A.S., Doctor of Philosophy, Professor at Department of Social and Humanitarian Sciences
of the Graduate School of Public Administration
Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
Gor’kogo st., 59a, Vladimir, Russia, 600017
E-mail: ys@abhinanda.elcom.ru